

В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

Л. П. РЕПИНА

ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ¹

В статье рассматривается место и роль так называемого «мемориального поворота» в пространстве новой культурной истории и череде разномасштабных методологических поворотов как аналитических конструкторов, прочно освоенных «коллективным воображаемым» современных представителей социогуманитарного знания и историков исторической науки.

Ключевые слова: методология, гуманитарное знание, культура, «мемориальный поворот», «историографическая революция», память, образы прошлого.

В последние два-три десятилетия на страницах обзорных историографических статей мелькают ставшие практически штампами фразы «поворот в историографии и в гуманитарном знании в целом», «ситуация смены парадигм» и т.п. Номенклатура «поворотов» обширна и выстроена в своеобразную цепочку: социологический, антропологический, культурный, лингвистический, визуальный, мемориальный, специальный (пространственный), прагматический, когнитивный (при желании можно дополнить). Однако при ближайшем рассмотрении они далеко не равнозначны и даже, при более пристальном рассмотрении и критическом анализе, несопоставимы – как по своему собственному масштабу, так и по значимости последствий.

Метафора поворота очень популярна, так как имеет, по меньшей мере, двойное практическое значение. Во-первых, она выражает обращение ряда историков к многообещающим новым перспективам изучения прошлого вследствие разочарования в старых подходах, рельефно маркирует новую методологическую позицию, служит способом самоидентификации для протагонистов соответствующего направления и выполняет особую роль в научной полемике. Во-вторых, это удобный прием, используемый специалистами по историографии для анализа и презентации важных новаций второй половины XX – начала XXI в. (особенно в образовательной практике). Этот прием прекрасно работает

¹ Настоящая статья представляет собой расширенную версию доклада, представленного автором на Круглом столе «Культурный поворот и трансформация познавательных возможностей исторической науки», состоявшемся в Институте всеобщей истории РАН 1 октября 2012 года.

на уровне проявления характерных примет тех сдвигов, которые происходили и происходят в поле современной историографии, но в каждом конкретном случае концептуальное содержание и эпистемологические основания «поворота» требуют более глубокого осмысления.

Однако, в соответствии с общей темой круглого стола «Культурный поворот и трансформация познавательных возможностей исторической науки», речь далее пойдет о том, что условно называется *культурным поворотом*. В связи с этим будет уместным также напомнить о весьма симптоматичном заглавии известной и широко цитируемой статьи Отто Герхарда Эксле 2000-го года²: «Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре», где речь шла о прошлом, настоящем и будущем развитии исторической науки в контексте других наук о культуре.

Я не собираюсь вдаваться в сакраментальный вопрос об определениях понятия «культура». Вадим Михайлович Межуев в своих «Размышлениях о культуре и культурологии (культурология в контексте современного гуманитарного знания)» писал: «Только философы, как я думаю, могут дать ответ на вопрос, что такое культура. Надо смириться с тем, что есть вопросы, на которые могут ответить только они. Например, ни один ученый не скажет, что такое природа. Физик объяснит, что такое физическая природа, биолог расскажет об органической природе, психолог – о психической, и так до бесконечности, но вот что есть природа вообще – об этом знает только философ. Ибо природа как целое – не просто реальность, но и ценность... Равно и культура – не просто реальность, но и ценность, которая фиксируется в философской идее культуры... А вот что нового для литературоведов, филологов, лингвистов дает слово “культура”, я, честно говоря, не понимаю... Что изменится для них от того, что они назовут предмет своего исследования не литературой, языком или искусством...? ...всех гуманитариев можно назвать культурологами – все они, так или иначе, изучают культуру. Что нового к их знанию о своем предмете добавляет слово “культура”?»³.

Так все-таки – что же нового добавляет к знанию о предмете истории слово «культура»?

В последней трети XX столетия, после того как постмодернистское мышление, отождествляя историю с литературой, поставило под сомнение возможность «прорыва» к исторической реальности сквозь толщу опосредующих языковых и нарративных структур, процесс выработки

² Перевод статьи был опубликован позднее: Эксле. 2003.

³ Межуев. 2010.

новой парадигмы истории (взамен рухнувшей) оказался чрезвычайно сложным и запутанным, однако, в конечном счете, наиболее жизнеспособные из предлагаемых версий, как правило, выстраивались вокруг категории культуры. И в этом плане программа «новой культурной истории» и последующие качественные изменения в предметном поле, концептуальном аппарате и методологической базе исторической науки на рубеже веков обычно легко вписываются исследователями в понятие «культурного поворота». В итоге, к началу нового века надобность в уточнении «новая», похоже, отпала, и «культурная история» успешно прошла необходимую стадию институционализации.

Впрочем, к первой («инаугурационной») конференции Международного общества культурной истории в 2008 году в Генте (состоявшейся после учреждения Общества в 2007 г. в Абердине), вновь возникла потребность в выработке приемлемых для научного сообщества ответов на «фундаментальные», по определению организаторов, вопросы о природе, влиянии и ближайших перспективах развития разных форм культурной истории: какие дисциплинарные модели и/или критические парадигмы могут быть подведены под эту марку, нужно ли действительно такое унифицирующее обозначение, и что все же под этим понимается. И даже – существуют ли различные «национальные» формы культурной истории, и чем они отличаются одна от другой? А также весьма актуальный вопрос – как преподавать культурную историю.

К этому можно было бы добавить и еще один, действительно фундаментальный вопрос: как решается теоретиками новой дисциплины проблема соотношения традиционной и инновационной составляющих культуры. Однако эта проблема выходит за дисциплинарные рамки и сама ее постановка связана не просто с обращением к культурологическому анализу в качестве «дежурной» смены историографической моды, а с глубинной трансформацией в понимании эпистемологических оснований исторического знания и уникальной природы исторического познания как диалога культур. Если обратиться к предельно точной формуле, предложенной Войцехом Вжосеком, то этот принцип будет звучать так: «Отношение современной исторической науки к прошлому – особенно отдаленному – является ничем иным, как отношением культуры к другой культуре...»⁴.

В современном гуманитарном знании культура рассматривается как выработанная коллективным сознанием и коллективным историческим опытом система знаний, представлений, ценностей, моделей пове-

⁴ Вжосек. 2012. С. 24.

дения, усваиваемая индивидом в процессе его адаптации к окружению на всем протяжении его жизненного пути. Эти системы, однако, не монолитны, а гетерогенны и социально дифференцированы, довольно стабильны, передаваясь от поколения к поколению, но в исторической перспективе изменчивы – они изменяются в череде ситуаций, которые создают новые условия деятельности и ставят новые задачи, не обеспечиваемые прежними культурными образцами.

Взаимодействие культур во времени («по вертикали») и в пространстве («по горизонтали») выступает ныне как приоритетный предмет исторического исследования, включая и проблему понимания и восприятия чужой культуры в контексте самого процесса познания прошлого. Диалог, в который вступает историк, направлен на понимание прошлого. Что он в нем ищет? Какова роль историка в его отношениях с прошлым? Широко известна прямая аналогия Р.Дж. Коллингвуда «историк как следователь» (точнее, исследовательская процедура, осуществляемая историком, сравнивалась с работой констебля, расследующего убийство)⁵. В несколько смягченном толковании историк – это «вопрошающий собеседник, нередко умышленно провоцирующий былое на то, чтобы оно проговорило»⁶. Удивление и непонимание историка при встрече с «иным», будучи артикулировано, становится первым шагом к пониманию⁷. Как справедливо подчеркивал А.Я. Гуревич, источник не только отвечает на заданные вопросы, но и ставит свои вопросы перед историком⁸, вернее – побуждает его формулировать новые вопросы, а также корректировать собственные теоретические предпосылки, методы анализа, рабочие гипотезы и концептуальный аппарат.

Все это связано с необходимостью «раскодирования» текстов исторических источников путем комплексной реконструкции социального, политического, духовного, интеллектуального и других контекстов, в которых они возникли, существовали, прочитывались и осмыслились⁹. По сути, такая полномасштабная реконструкция выходит далеко за рамки источниковедческого анализа и представляет собой собственно социокультурную историю. Ключевые моменты такой «встречи культур» – это, во-первых, раскрытие так называемого *третьего фокуса диалога* (кроме исследователя и автора текста это – его адресат с соответствующую

⁵ Коллингвуд. 1980. С. 253-260.

⁶ Эжитут. 2001. С. 32.

⁷ Подробно об этом см.: Вунит 1997.

⁸ Гуревич. 1996. С. 103.

⁹ Ср. с противоположным по своей деконтекстуализирующей интенции подходом: Ankersmit. 2005 (особ. – Р. 121-125). См. перевод этой книги: Анкерсмит. 2007.

щей системой идей и понятий, культурных представлений, идеалов, ценностей). Этот третий фокус позволяет прояснить смысл содержащихся в тексте посланий (поскольку предполагаемый адресат знал, что стоит «за текстом»). Во-вторых, это – соотнесение текста исторического памятника или произведения с другими текстами (возможность прочесть источник через те тексты, которые были известны его автору), т.е. выявление социокультурной среды его возникновения и бытования, и наконец, переосмысление изучаемого произведения в новом культурно-интеллектуальном контексте.

Обращение к концепции исторической памяти, или так называемый «мемориальный поворот», опирается на то же понимание культурного контекста. Многочисленные работы последних десятилетий XX и начала XXI века, в том числе исследования российских историков, показали, как с расширением культурных контактов и глубокими переменами в условиях жизни человеческих сообществ менялись приоритеты исторической памяти, оценки ключевых явлений и событий, пантеон героев, номенклатура антигероев и т.д. Веками легенды о деяниях предков хранились и передавались устной традицией, и лишь спустя долгую череду поколений находили отражение в исторических сочинениях. Письменная фиксация не просто изменила механизм передачи информации, но дала возможность помнить более того, что позволяет память живущих, и существенно продлить память о событиях, обычаях и явлениях, имевших место в далеком прошлом. Конечно, помимо исторических сочинений продолжали действовать и другие каналы трансляции социальной памяти о прошлом: устные воспоминания, легенды и предания, различного рода записи и документы, монументальные памятники, празднества, сценические представления и т.п.

В средневековых повествованиях о достославных деяниях эпических героев, королей, епископов или святых, прошлое использовалось как способ решения текущих проблем – например, доказательства статуса или подтверждения притязаний, что не исключает внутренней убежденности авторов и компиляторов в правоте защищаемого ими дела. Такую роль играла, например, концепция «вечного Рима» как в языческих, так и в христианских сочинениях переходной эпохи от поздней Античности к Средневековью, обеспечивших преемственность универсалистской идеи, средневековые модификации которой нашли отражение в империи Карла Великого, Священной Римской империи германской нации, в теократических притязаниях папства, а также в концепциях «второго» и «третьего» Рима. Переход к Новому времени дал мощный толчок развитию исторического сознания и формированию

новой исторической культуры. Опираясь на опыт древней, средневековой и ренессансной историографии и – в то же время – решительно отталкиваясь от него, историки Раннего Нового времени создали предпосылки для «историографической революции» Века Просвещения¹⁰.

Последующее развитие историзма в русле «научной истории», опирающейся на критический анализ источников и методологическую триаду темпоральности, контекстуальности, процессуальности, было достаточно противоречивым. Хотя молодая историческая наука XIX века, с одной стороны, декларировала принципы строгой научности, верность критическому методу и приверженность исторической истине, а с другой – фактически становилась важнейшим структурным компонентом национально-государственной идеологии. Это сочетание познавательно-критической и национально-патриотической функций не было абсолютно комфортным и порождало у теоретически мыслящих историков трудные вопросы, однако именно национальная идея более века определяла тематику академической историографии. Появившиеся в разных странах на протяжении XIX–XX вв. многочисленные учебники для средней и начальной школы, предлагая доступные исторические образы, пробуждали в полуграмотных массах национальное самосознание. Школьные курсы «истории Отечества», основанные на целенаправленном отборе событий и фактов, сформировали фундаментальную базу национальной мифологии эпохи Модерна и продолжают решать те же задачи, хотя и с меньшим успехом, в наш информационный век. Но хотя историк может выступать как агент коллективной памяти, целеполагание современного исследователя и процедура историографической операции определяются дисциплинарными правилами и нормами науки.

В чем же конкретно состоит отличие истории историков от других репрезентаций прошлого? Аргументы широко известны и неоднократно воспроизводятся. История как наука стремится к достоверности представления о прошлом. В то время как для истории как науки характерен подход, состоящий в том, что прошлое ценно само по себе, и ученому следует, насколько возможно, быть выше соображений политической целесообразности, историческая память всякий раз создает образы, удовлетворяющие социокультурным запросам современности и новым социально-политическим потребностям: «Происходящие в обществе перемены порождают у него новые вопросы к минувшему, обуславливая

¹⁰ Эти сюжеты рассмотрены в ряде изданий, подготовленных Центром интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН и вышедших в свет в серии «Образы истории». См.: История и память... 2006; Диалоги со временем... 2008; Образы времени и исторические представления... 2010.

складывающийся в общественном сознании образ прошлого, и чем значительнее эти перемены, тем радикальнее он изменяется»¹¹.

Сегодня все еще доминирует известная идея о том, что память принадлежит индивиду. Но эта идея появилась в европейской культуре только в XVII столетии, и лишь постепенно утвердился индивидуально-психологический подход к объяснению всех процессов сохранения информации о данных прошлого опыта и трансляции этой информации во времени. Но уже к началу XX века вновь отчетливо обнаружили себя социально-психологические структуры, имеющие коллективное измерение, и возникла необходимость переакцентировки внимания исследователей с индивидуального измерения памяти на трансперсональное. А.И. Макаров справедливо подчеркивает, что знание о надындивидуальном измерении памяти становится всё более значимым для человечества, поскольку увеличение искусственного слоя окружающей человека среды привело к тому, что память больше стала зависеть от культуры, а не от природы. История и традиция не вмещаются в индивидуальный опыт, но сохраняются в текстах, предметах, изображениях, ритуалах. Память прорывает границы индивидуального, а современный технологический прогресс обеспечивает каждому члену общества память, которой никто никогда не был наделен лично¹².

В конце XX века память превратилась в ценность, соответствующую современному плюралистическому видению прошлого, проблематика памяти выдвинулась на передовые позиции в общественном сознании и захватила разные области социогуманитарного знания, всех наук о культуре. Именно в это время громко заявили о себе новые подходы, направленные на исследование не столько прошлой реальности, сколько образов прошлого в общественном сознании¹³. Память о прошлом рассматривается как категория культуры с учетом принципа различия и многообразия культур, поскольку в разных культурах степень востребованности прошлого, как и характер его репрезентации различается, и мемориальная функция реализуется в культурных практиках различного типа. В этом плане представляет особый интерес попытка Й. Рюзена выстроить в ситуации множественности перспектив (*multiperspectivity*) видения истории новую стратегию так называемой «интеркультурной

¹¹ Могильницкий. 1999. Т. 1. С. 7.

¹² Макаров. 2010. С. 36. См. также: Макаров. 2007, 2009.

¹³ Известный американский историк Аллан Мегилл точно обозначил это явление современной культурной жизни как «мемориальную манию» и даже постулировал правило: «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти». Мегилл. 2007. С. 138.

компаративной историографии», ориентированной на сравнительный анализ традиций историописания, который выходит далеко за пределы европейской культурной традиции и западной цивилизации¹⁴.

В этом контексте историческая наука предстаёт как одна из специфических форм культурной памяти, или же – в более тонкой формулировке О.Г. Эксле – как «научно обоснованная культурная память современности».

Вопрос о соотношении памяти, знания о прошлом и истории как науки трактуется неоднозначно. Даже самые убежденные сторонники научного историзма признают, что историю и память не всегда можно полностью отделить друг от друга. По выражению А. Мегилла, память «есть “Другой”, который неустанно преследует историю»¹⁵. Память не только обеспечивает набор категорий, посредством которых члены данной группы ориентируются в своем окружении, она является также источником знания, дающим материал для сознательной рефлексии и интерпретации культурных представлений и ценностей. При отсутствии прямого контакта с прошлой реальностью, историки лишены возможности познать какой-то ситуативный опыт прошлого в отдельности, но его можно понять в более широком культурном контексте, включающем самые разные интерпретации исторического опыта, или версии исторической памяти, те *образы* событий, которые запечатлелись у участников и современников, транслировались непосредственным потомкам, реставрировались или реконструировались в последующих поколениях, подвергались «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики. И в этом случае речь идет о памяти, подлинность которой как бы «заверена», о памяти, «преобразованной в историю»¹⁶. Иными словами историческая наука выступает как форма преобразования культурной памяти. Именно такое, на мой взгляд, наиболее точное определение историографии выражено профессором В. Вжосеком в интервью, опубликованном в той книге, презентация которой состоится сегодня: «Историография – это форма преобразования коллективной памяти, а та является памятью культуры, без которой была бы невозможна как социализация личностей, так и сохранение устойчивости социальных институций и форм коллективной жизни»¹⁷.

¹⁴ Рюзен. 2001. С. 24-25. См.: Rösen. 1996.

¹⁵ Мегилл. 2007. С. 169.

¹⁶ Эту концепцию «памяти–истории» комментирует, в частности, Франсуа Артог в своей статье «Время и история». См.: Артог. 2002. С. 157–159.

¹⁷ Интервью с проф. В. Вжосеком. С. 312.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артоз, Франсуа.* Время и история // *Анналы на рубеже веков: антология.* М., 2002. С. 147–168.
- Вжосек, Войцех.* Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012. 336 с.
- Гуревич А.Я.* «Территория историка» // *Одиссей. Человек в истории.* 1996. М.: «Coda», 1996. С. 81–109.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2008. 800 с.
- Интервью с проф. В. Вжосеком // *Вжосек В.* Культура и историческая истина. М.: «Кругъ», 2012. С. 287–314.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2006. 768 с.
- Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. 485 с.
- Макаров А.И.* Феномен надъиндивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус. Автореф. дисс. д. философ. н. СПб., 2010. 36 с.
- Макаров А.И.* Феномен надъиндивидуальной памяти. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 216 с.
- Макаров А.И.* Образ Другого как образ памяти (Методологические аспекты проблемы репрезентации прошлого) // *Диалог со временем.* 2007. Вып. 18. С. 6–18.
- Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
- Межуев В.М.* Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 1) // *Культурологический журнал.* 2010. № 2.
- Могильницкий Б.Г.* Историческая наука и историческое сознание на рубеже веков // *Историческая наука на рубеже веков. Материалы Всероссийской научной конференции.* Томск, 1999. Т. 1. С. 5–17.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. 960 с.
- Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 7. С. 8–26.
- Эксле О.Г.* Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре // *Одиссей. Человек в истории.* 2003. М.: Наука, 2003. С. 393–416.
- Эжитут С.А.* Битвы за храм Мнемозины // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 7. С. 27–48.
- Ankersmit F.R.* *Sublime Historical Experience.* Stanford: Stanford U.P., 2005. 504 p.; рус. пер.: *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
- Vuntum C.* Wonder // *American Historical Review.* 1997. Vol. 102. No. 1. P. 1–26.
- Rüsen J.* Some Theoretical Approaches to Intercultural Comparative Historiography // *History and Theory.* 1996. Vol. 35. Theme Issue: Chinese Historiography in Comparative Perspective / Ed. by Axel Schneider and Susanne Weigelin-Schwardrzik. P. 5–22.
- Репина Лорина Петровна** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, зав. Отделом историко-теоретических исследований, руководитель Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории РГГУ; lorinarepina@yandex.ru.